

**СТАБИЛЬНОСТЬ
АВТОРИТЕТА**

В работе мастеров нашей прозы, если пренебречь мерой талантов, мне отчетливо видятся два творческих принципа. Есть писатели, которые независимо от жанра творят свои произведения по законам лирического письма. И тогда герои рождаются как бы без вмешательства повивальной бабки, а потому все время сохраняют пуповину и остаются у автора на привязи. Как бы они ни поступали, что бы ни думали и ни чувствовали, за ними все время видится их создатель. Такие герои быстро забываются, в памяти остается только писатель, создавший себе доброе имя, что возможно и в этом случае.

Казалось бы, мне всего ближе должен быть этот принцип, но есть высшая форма проявления поэзии — это рождение Жизни, Человека, Личности, в том числе и создание литературного героя, который начал бы жить независимой от автора, почти материальной жизнью. Такой высшей формой поэзии как никто владеет Михаил Александрович Шолохов. Его великий талант житнетворения создал блистательную галерею образов, и каждый образ со своим полем жизни, а потому далеко видный и отличный от всех других. Одна семья Мелеховых с ее экзотической туретчинкой предстает перед нами несколькими оригинальными характерами. Кстати, турецкая кровь Мелеховых имеет глубокий и дерзкий художественный смысл. Она не притеняет, а наоборот, ярче высвечивает русскую природу сложных характеров и трагических событий.

В литературе, как правило, действует фактор некоторой условности, проявляющийся в стилях, литературных школах, в особых пристрастиях и многом другом, но шолоховские пристрастия так широки, а образы так

естественны и пластичны, что его произведения стали фактом самой жизни, а земное существование героев так же несомненно, как существование исторических личностей. Трудно поверить, что не было в жизни Григория Мелехова, Аксины, Семена Давыдова, Лушки, Андрея Соколова и многих других.

Трудно героя вымыслить, но не менее трудно снова заставить жить полнокровной жизнью историческую личность. Тут особенно важна широта пристрастий. В большевике Подтелкове, например, в человеке мужественном и предельно честном, Шолохов подмечает такую, не очень-то благородную, черту, как упоение властью. Мне долго не давала покоя трогательная прядка, свисавшая на лоб генерала Корнилова. Она, казалось, вносила дисгармонию в облик этого махрового контрреволюционера. Но однажды, читая «Песнь о Роланде» я вспомнил ее в новом для себя свете. В стане франков, боровшихся против мавров, оказался изменник. Говоря о нем как о славном рыцаре, неведомый средневековый поэт восклицает: «Он бодр и свеж,— как жаль, что он изменник!» Два столь различных художника воспользовались одним и тем же законом контрастов: светлое пятнышко на темном делает еще темней. Пользуясь тем же приемом, в одном из военных очерков Шолохов скажет о пленных фашистах: «В глазах — грусть почти такая же, как у людей».

В творчестве Шолохова я всегда нахожу подтверждение той мысли, что советского человека нельзя показать в полный рост, не измерив его, говоря метафорически, мировой меркой. Независимо от того, осознает он это сам или не осознает, на нем скрещиваются мировые силы. Но если в «Тихом Доне» сама Революция поднимает героев на особую высоту, то в «Поднятой целине» для этого нужны особые художественные приемы. Трудно к деду Щукарю, да и к другим, приложить мировые категории, хотя сами по себе события, в которые были вовлечены казаки хутора Гремячий Лог, имели мировое значение. Писатель мог бы сказать об этом прямо, мы бы прочли эту верную мысль и за чудачествами Щукаря вскоре забыли о ней. Шолохов нашел более глубокий и органичный способ спроецировать своих героев — Макара Нагульного с его идеей мировой революции, изучающего ради нее английский язык, и бывшего есаула

Половцева, по указке белогвардейских союзников готовящего мятеж против Советской власти. В свете этой, уже мировой, полярности все действующие лица романа, в том числе и дед Щукарь, становятся значимей.

Мысль о том, что на советском человеке скрещиваются мировые силы, особенно зрима в рассказе «Судьба человека» — рассказе огромной художественной и нравственной силы, по емкости стоящей многих иных повестей и романов. Лишенный на время шоферских прав, Андрей Соколов входит в повествование самым что ни на есть неприметным человеком, почти в нормах дегероизации, а когда поведал о своей судьбе, об испытаниях, выпавших на его долю на фронте, в фашистском плену, да и после, словом, измеренный мировой меркой, — уходит от нас великаном. И рядом с ним уходит им обихоженный малыш, как маленький дубок, уже опаленный пожаром, но вовремя прикрытый ветвями могучего дуба.

Произведения Шолохова отразили три важнейших этапа в рождении и становлении нашего социалистического государства. По широте охвата жизни, по значимости и количеству действующих лиц, по их представительству от разных слоев общества, социально-психологическому анализу, по массовости судеб, вовлеченных в события революции и гражданской войны, «Тихий Дон» для меня равнозначен «Войне и миру» Толстого. Второй этап, не менее важный, чем революция, — это годы коллективизации. За последние два десятилетия в нашей литературе делались попытки пересмотреть события тех лет с позиций поздних истин. Есть некоторые удачи, при этом главные истины «Поднятой целины» остались неколебимы. А кто в годы Отечественной с жадностью не читал «Науку ненависти», не учился по ней ненавидеть смертельного врага? С каким нетерпением ожидался и читались первые главы романа «Они сражались за Родину!» В трудные для Родины дни Шолохов всегда говорил свое весомое слово.

Весь мир знает Шолохова. Не может не знать, не может не интересоваться творчеством лучшего писателя страны, без которой уже нельзя решить в мире ни одной важной мировой проблемы. Мы гордимся нашей классикой, но с Шолоховым связана наша особенная гордость,

как с высшим результатом нашей социалистической культуры. Мир все решительнее избирает социалистический путь, и на этом пути Шолохов будет становиться все необходимей. Его книги создают стабильность не только его собственному авторитету, но и авторитету всей нашей советской литературы.